

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОБСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ *

Устюжанина Е. В., Клячко Т. Л.

(Москва)

В статье содержится анализ существующих в СССР отношений собственности и тенденций их развития. Рассматриваются проблемы экономической реализации общественной собственности, ее персонификации и делегирования, диверсификации форм собственности. Обсуждаются вопросы соотношения процессов управления, планирования и монополизации.

Если задаться вопросом о характере собственности и ее форм, которые ныне реально функционируют в нашем обществе, то надо прежде всего отметить, что он сильно мифологизирован, как, впрочем, и в любом обществе, поскольку на базе собственности произрастают интересы, с ней связано понятие социальной справедливости и т. д. Вместе с тем у нас она зачастую выступает как некий фантом, она растворена, разлита в жизнедеятельности общества и его сознании («всех» и «каждого», «всех» и «ничья», «ничейная», «никто ни за что не отвечает» и т. п.). Под видом государственной формы общественной собственности реализуется слияние политической и экономической власти, монополизация власти «аппаратом управления». Неопределенность собственности приводит к размыванию экономической ответственности по всему аппарату государственной власти и в результате к разрушению института экономической ответственности как такового. Это порождает бесконечные соглашения, многочисленность подписей, рост бюрократической иерархии и т. п. Ответственность деперсонифицируется, на первый план выступают бесчисленные объективные причины, например для сельского хозяйства — «погодные условия». В результате экономическую ответственность несет государство, т. е. одновременно «все» и «никто». Такое положение безответственности порождает, с одной стороны, ощущение социальной несправедливости (нет виновных за происходящие безобразия), падение авторитета власти (авторитет напрямую связан с ответственностью за принятые решения и их последствия), ощущение всеобщей некомпетентности («сам» не может принять решение, требуются бесчисленные визы), а с другой — социальную апатию. Существующий институт персональной ответственности практически слабо связан с экономической и скорее выполняет политическую функцию**.

Осуществляемая хозяйственная реформа направлена на реализацию потенциала социалистической экономики, что в первую очередь связано с формированием системы отношений собственности, адекватной уровню развития производительных сил: совершенствованием отношений общественной собственности и развитием многообразия форм собственности.

* В порядке постановки вопроса.

** Идея личного наказания за сбой в экономическом механизме была широко использована в 30-е годы. Она имела поддержку у масс, но она может реализовываться только в обстановке глобального страха и экономически неэффективна, так как порождает «бегство» от ответственности. Когда же снятый с должности остается в номенклатуре, то идея полностью изживает себя.

Рассмотрим сначала первое направление — совершенствование отношений общественной собственности. По мере развития производительных сил усложняются связи между людьми по поводу производства и присвоения продуктов. Между непосредственным производителем и собственником появляются новые участники отношений собственности: предприниматель, менеджер, система управления. Для того чтобы преодолеть отчуждение собственности, недостаточно просто соединить крайние звенья отношений собственности: сделать производителя юридическим собственником. Отчуждение — результат не только принуждения, но и объективных процессов концентрации производства и усложнения функций управления. Проблема реализации общественной собственности — это проблема разделения правомочий и создания институтов экономической ответственности за их осуществление. Государственное управление экономикой может быть эффективно или неэффективно с точки зрения возможности достижения целей при имеющихся ресурсах. Само по себе оно не противоречит общественной форме собственности на средства производства и природные ресурсы. Противоречие возникает, когда распорядитель общественных ресурсов одновременно является распорядителем прав и обязанностей всех экономических агентов. В этом случае происходит подмена общественной собственности государственным монополизмом. Равенство во владении не гарантирует гармонии интересов. Противоречие заложено уже в самом объективно необходимом отделеении системы управления общественными ресурсами от общества: любая система помимо внешних целей, ее функций в метасистеме имеет внутренние цели, отражающие стремление к самосохранению и развитию. Бюрократизация — следствие саморазвития системы управления. Для участника этой системы его место в иерархии распоряжения ресурсами становится более сильным стимулом деятельности, чем общее благо. Возникает необходимость в механизме увязки интересов распорядителей с интересами общества. Создание какого угодно количества контролирующих организаций не может решить проблему в принципе: перераспределение функций власти не влияет на ее обособление от общества. Действительный контроль общества над производством возможен только при условии отделения «исполнительной» власти в экономике от «законодательной» и «судебной».

В принципе в роли закона может выступать и план. Для этого необходима прежде всего его обоснованность. Нужна научная экспертиза альтернативных вариантов плана с точки зрения реализации целей, ресурсной обеспеченности, сбалансированности и мотивационной подкрепленности. В настоящее время план не может играть роль закона, так как одновременно по всем пунктам он невыполним. В нем с самого начала заложены несбалансированность и та степень детализации, которая не отвечает ни возможностям научного прогноза, ни задаче саморегуляции экономики. Так как нет выбора, законодательное принятие плана обращается в фикцию. Отсутствие же механизма разрешения противоречий между «законодателями» и «исполнителями» делает контроль над системой управления в принципе невозможным.

Целенаправленное воздействие на экономику может осуществляться двояко: планированием производства средств для достижения долгосрочных целей и заданием социальных ограничений экономической деятельности. Опасность первого пути в том, что средства постепенно подменяют действительные цели и вступают с ними в противоречие, становятся самоцельными. Производство превращается в самодостаточную систему, генерирующую собственные внутренние оценки деятельности и ее продуктов. Формируется экстенсивный, затратный механизм функционирования экономики, для достижения заданного социального результата вовлекающий в производственный процесс все большее количество ресурсов. Второй путь — проецирование долгосрочных целей на конкретный этап развития производительных сил в виде нижних границ их реализации — социальных ограничений.

Применительно к отдельным индивидам социальные ограничения экономической деятельности образуют систему социально-экономических гарантий — безусловных прав, обеспечиваемых обществом каждому своему члену вне зависимости от его положения в системе производства и результатов экономической деятельности. Система гарантий — атрибут любого общества. Преимущество социалистической системы хозяйствования должно реализовываться в многообразии и развитии этой сферы жизнедеятельности общества, выступающей здесь не только в качестве средства повышения конкурентоспособности национальной экономики, но и как непосредственное отражение целей развития. Гарантии не означают выделения в экономике сфер общественного призрения (образования, здравоохранения и т. д.). Контроль над общественными процессами должен ограничивать развитие не их самих, а их негативных последствий. Не принудительная бесплатность недоступных населению и невыгодных производителю благ и услуг, а гарантированный уровень удовлетворения определенных потребностей. Неправомерно и сведение гарантий к гарантиям потребления — минимального, общественно признанного или по потребностям. Социально-экономические гарантии должны охватывать все фазы процесса воспроизводства: производство, распределение, обмен и потребление; обеспечивать равенство членов общества в труде по способностям, оплате по труду, способах реализации доходов, удовлетворении социально-приоритетных потребностей и социальном обеспечении. Конкретные формы реализации гарантий могут быть самыми разнообразными. Их выбор должен зависеть от целей, которые лежат в основе гарантий, и от реальных социально-экономических условий. В противном случае гарантия занятости может превратиться в систему социального иждивения, бесплатность распределения привести к социально необоснованной дифференциации потребления социально-приоритетных благ, а стабильные цены — к резкому дисбалансу спроса и предложения.

Такие гарантии, как занятость по способностям, оплата по труду, равный доступ к рынкам товаров и услуг, удовлетворение социально-приоритетных потребностей, общественное обеспечение нетрудоспособных, должны быть не просто декларированы, но и обеспечены экономически и оформлены юридически. Необходимо персонализировать ответственность общественных институтов за их реализацию и разработать систему их судебной защиты.

Экологические ограничения должны включать нормы (расхода, загрязнения и т. д.), общественный контроль всех проектов преобразования природы (альтернативные независимые научные экспертизы и широкие референдумы) и кадастр «восстановительных» оценок всех природных ресурсов. Эти оценки должны устанавливать нижнюю границу возможной арендной платы за использование ресурсов, а соответствующие им суммы перечисляться целевым образом в специализированные природоохранные учреждения.

Один из основных вопросов развития общественной собственности — соотношение процессов обобществления, монополизации и планирования.

Планирование как социальный феномен предполагает (требует) крупную собственность (в идеале — государственную, поэтому колхозно-кооперативная собственность давно стала фикцией). Отсюда объективное развитие гигантомании. Гиганты поглощают практически все ресурсы, следовательно, «остаточный» принцип планирования — это не недомыслие, а закономерность, и социальная сфера неминуемо будет «в остатке», если эти гиганты — машиностроительные, металлургические, химические и т. п.

Потребности индивида слишком мелки для планирования, потребности гигантов — ощутимы. Планирование идет от потребностей — весь вопрос, чьих? И происходящая сплошь и рядом подмена потребностей — необходимость. Если капитализм должен поддерживать занятость, то наша плановая система — потребление индивида (отсюда продоволь-

ственная программа, программа производства товаров и услуг и т. п.). Как ни парадоксально, создание министерств, постоянное увеличение их числа — это зачастую попытки (неадекватные) борьбы с монополией: формируется монополия министерств с целью обеспечить многообразие развития в самой отрасли. Но в министерстве «тоже люди» — в отрасли создаются свои гиганты; в результате управленческая монополия достраивается производственной, и наоборот. Вместе с тем эти монополии как бы уравнивают друг друга: крупные производственные гиганты противостоят управленческому всевластию министерств, а министерства выражают и отстаивают интересы этих гигантов, одновременно поддерживая их материально.

Но поскольку противостоят одной монополии может, как правило, только другая, то для обеспечения реализации каких-либо интересов, отличных от интересов существующих министерств, необходимо создавать новое министерство. Итак, система оказывается замкнутой: монополия порождает монополию, и борьба с ней также порождает монополию. В этой замкнутости поразительная сила и устойчивость системы. Борясь с министерствами, надо понимать, что они представляют собой и порождение монополии, и результаты борьбы с ней. Следовательно, одной ликвидацией министерств проблему монополизма в нашей экономике не решить. Планирование и монополия придадут системе определенную устойчивость, но без развития (когда исчерпаны возможности экстенсивного роста), а псевдоразвитие (БАМ, переброска рек и т. д. и т. п.) приводит к стагнации (в лучшем случае) или деградации, кризису (в худшем).

Поэтому помимо сужения сферы деятельности министерств (что лежит на поверхности) и ликвидации большинства из них — оставаться должны только функциональные министерства: здравоохранения, образования, культуры, социального обеспечения и т. п., непосредственно не связанные с комплексом гигантомании, — следует сузить сферу планирования, перевести его в индикативную плоскость.

Распоряжение ресурсами создает возможность целенаправленного воздействия на производство. Однако результаты деятельности зависят не только от целей и ресурсов, но и от умения предвидеть и использовать ее объективные условия. Стремление к безграничному контролю над действительностью ослабляет распорядительную функцию, создает теневые структуры и в итоге приводит к прямо противоположному результату: бессилию перед диктатом экономических законов.

Эффективность планирования определяется как уровнем наших знаний об объекте, так и осознанием границ этих знаний. Качественный прогноз и реалистичность целей должны быть дополнены гибкой системой управления, способной к коррекции своей деятельности при изменении условий функционирования и заинтересованности в ней.

Экономическая деятельность зависит от внешних условий (природных, социальных, экономических), технологии, субъектов ее осуществления. Неопределенность свойственна каждому из этих факторов. Причем чем более развито производство и чем интенсивнее происходящие в нем изменения, тем труднее прогнозируемы последствия его воздействия на природу (истощение ресурсов, катастрофы и т. д.), технологию (научно-технический прогресс) и индивидов (системы предпочтений и мотиваций). Стремление жестко регламентировать деятельность экономических институтов и субъектов резко снижает возможности саморегуляции экономики. Между тем результаты производства зависят как от материальных ресурсов, так и от возможностей и заинтересованности непосредственных исполнителей в их эффективном применении. Сверхрегламентация, т. е. излишнее количество управляющих воздействий, не просто ограничивает свободу принятия решения, но сужает мотивационный потенциал общества. Преимущество же маневра ресурсами может быть реализовано только, если существуют условия для их наиболее рационального использования. Целенаправленность планирования должна сочетаться с гибкостью рынка. Планирование позволяет осу-

шестьвать стратегические цели, рынок — эффективно решать текущие задачи. Нарушение меры сочетания двух способов регулирования экономической деятельности ведет либо к кризисам перепроизводства, либо к разбазариванию общественного имущества. Второй случай отражает сегодняшнее состояние советской экономики, падение результативности централизованного управления производством: законы принимаются, ресурсы тратятся, цели не достигаются.

Казалось бы, панацеей от невозможности все предусмотреть на верхнем уровне управления служит «демократическая» процедура планирования, когда планы разрабатываются предприятиями, корректируются и сводятся министерствами, а затем снова корректируются и утверждаются Советом Министров СССР. Однако при этом теряется смысл народнохозяйственного планирования. План сверху — инструмент осуществления народнохозяйственных целей. Планы же предприятий совсем не обязательно «обобщать» в вышестоящих организациях.

Подмена общественной собственности государственной не означает узурпации власти над производством верхним эшелоном управления. Скорее можно говорить о разделении власти внутри определенной общественной группы. Эта группа неоднородна по составу и включает в себя представителей хозяйственных, партийных, исполнительных, контрольных и других органов, объединенных по общему признаку участия в распоряжении ресурсами и продуктами. Реально существует многоярусная модель распоряжения общественными ресурсами, в которой контроль над производством и контроль над распределением отделены друг от друга. Иерархическая дистрибутивная система организации экономической деятельности порождает не только злоупотребления на каждом уровне иерархии и неформальную зависимость этих уровней, но и разнонаправленность, рассогласованность их действий, стремление каждого уровня к максимизации доли своей власти над ресурсами.

Проблема персонификации субъекта собственности на средства производства в государственном секторе социалистической экономики, как и на природные ресурсы, носит абстрактный характер. Содержание отношений собственности не инвариантно к способу производства. Характерная для капитализма неразделенность собственности, определенность субъекта (частного лица, группы лиц, государства), его противопоставление несобственнику — одна из возможных форм развития института присвоения. Древневосточные государственные структуры дают иной образец — иерархический: верховная, наместническая и общинная собственность одновременно. Не укладывается в противопоставление собственника и несобственника и пожизненная, и наследственная аренда земли в средние века. Все это говорит о том, что само по себе делегирование собственности присуще не только социалистической экономике.

Однако делегирование собственности и ее размывание (анонимность) не одно и то же. Делегирование предполагает четкое разделение прав и обязанностей, взаимную ответственность сторон друг перед другом; размывание — борьбу за власть, коррупцию и безответственность. Делегирование должно включать в себя механизм реализации участия каждого в распоряжении общим имуществом и пользовании полученным от него доходом, спецификацию правомочий собственности между различными хозяйственными агентами, систему ответственности за распоряжение и пользование совместным имуществом. К сожалению, эти вопросы не нашли отражения в Законе о собственности в СССР.

Общепародная собственность отождествляется в Законе с государственной. В результате вопрос о путях реализации общественной собственности подменяется вопросом о делении собственности между республиками, национальными и административно-территориальными образованиями. Причем в основу такого деления кладется структура подчинения, т. е. права собственности выводятся из сложившейся системы управления. Отождествление общественной собственности с государственной выводит из рассмотрения проблему контроля общества за

управлением общественной собственностью, сводит ее к проблеме контроля государства за деятельностью предприятий.

Попытка решения проблемы делегирования собственности предпринята с введением в Закон таких понятий, как полное хозяйственное ведение, оперативное управление, пожизненное наследуемое владение. Однако поскольку правомочия собственности не структурированы, определить реальное содержание соответствующих отношений крайне трудно. Так, государственное предприятие осуществляет по отношению к находящемуся в его ведении имуществу все права собственника (владение, пользование и распоряжение), отвечает этим имуществом по своим обязательствам, но не является его собственником, т. е. экономически не заинтересовано в его сохранении и умножении. Отсутствие механизма реальной экономической ответственности требует сохранения системы административного подчинения и контроля.

Более перспективной представляется арендная форма организации общественного производства. При исследовании арендных отношений следует различать аренду как форму хозяйственной деятельности и аренду как способ формирования коллективной собственности. Первоначально аренда в промышленности возникла как форма хозяйственной деятельности. Развитие хозрасчетных отношений по горизонтали вступило в противоречие с существующей системой вертикальной зависимости и отсутствием у предприятия реальных прав в организации производства и распоряжении ресурсами. На начальном этапе основными отличительными чертами аренды были: договорный характер отношений с вышестоящей организацией (четкая фиксация прав, обязательств и ответственности сторон) и расширение (в сравнении с Законом о государственном предприятии) хозяйственной самостоятельности предприятия. Аренда как форма хозяйственной деятельности представляла собой принципиально новый для нашей экономики тип отношений между различными уровнями управления — систему взаимной экономической ответственности.

Конечно, при фондируемом способе распределения ресурсов подлинное равноправие предприятия и вышестоящей организации невозможно. Другое слабое место аренды заключается в том, что она регулирует отношения только с одним органом управления, возможности же вмешательства других органов управления в деятельность арендного предприятия ничем не ограничены. Поэтому аренда должна быть подкреплена развитием экономического законодательства: четкой фиксацией компетенции, прав, обязанностей и ответственности всех органов управления и повышением роли независимой судебной власти в экономике.

В социалистической экономике аренда представляет собой один из способов согласования интересов субъектов хозяйствования различного уровня через их правовое обособление. От коллективного или бригадного подряда данный способ отличается изменением характера собственности: отношения работников к средствам производства и способа присвоения продукта. Бригадный подряд — это замена единичного наемного работника коллективным, сочетающая в себе преимущества первичной кооперации и наемного труда. Преимущество наемного труда по сравнению с арендой заключается в возможности регулирования величины «прибавочного продукта». При правильно построенной системе стимулирования, увеличивая свой заработок, работник одновременно повышает и прибыль предприятия. В условиях арендной формы отношений величина «прибавочного продукта» — «продукта для общества» — изначально задана более жестко, а эффект от текущей хозяйственной деятельности представляет собой доход арендатора (коллективного или единичного).

С точки зрения максимизации «продукта для общества» аренда эффективна тогда, когда неопределенность объекта для системы управления настолько велика, что вероятность потерь от недостоверной информации о нем больше вероятности выигрыша от возможности непосред-

ственного управления. (Этим во многом объясняется преимущественное распространение аренды в сельском хозяйстве.) Однако максимизация «продукта для общества» вовсе не является безусловной целью социалистической экономики. Аренда, изменяя положение работника в системе производства, расширяет и усиливает мотивационные ресурсы общества, т. е. значительно увеличивает размер «продукта для себя» — текущее и будущее благосостояние непосредственных производителей. Оплата труда тех, кто занят управлением, тоже может быть поставлена в зависимость от качества исполнения ими своих обязанностей. Для этого расчеты арендного предприятия с обществом должны быть четко структурированы: плата за пользование общественными средствами производства и природными ресурсами, налоговые платежи и оплата услуг управления. В свою очередь, оплата услуг управления должна носить договорный (добровольный и целевой) характер. В этом случае арендная форма хозяйствования может коренным образом реформировать структуру экономических связей: не государство в лице своих представителей нанимает непосредственных производителей, а сами производители на основе свободного выбора оплачивают услуги управления.

В настоящее время мощнейшим средством воздействия системы управления на производителей является плановая дефицитарность экономики, приводящая к неимоверному возрастанию роли распорядителей ресурсов. Здесь существует неоднозначная причинно-следственная связь: дефицит гипертрофирует власть распорядителей, но и сами распорядители заинтересованы в дефиците как источнике своей власти. Поэтому выход не только в совершенствовании планирования, но и в изменении характера отношений между распорядителем и пользователем. Централизованно распределяться должна только та часть ресурсов, которая обеспечивает выполнение спускаемых сверху натуральных заданий — госзаказ. При этом экономическая ответственность за срыв госзаказа должна ложиться на распорядителя, не обеспечившего исполнителя соответствующими ресурсами. Если распорядитель функционирует на принципах хозяйственного расчета, он становится нормальным экономическим агентом, заинтересованным во взаимовыгодном экономическом сотрудничестве. Не исключено, что при таком построении системы централизованного распределения отдельные ее части окажутся недееспособными. Это и будет экономический механизм вытеснения централизованного распределения рыночным: не директивное введение рынка, а экономическое соревнование двух способов распределения.

Развитие юридического оформления арендных отношений шло в направлении расширения прав собственности коллективов арендных предприятий. Реализацией права собственности арендатора на доход от хозяйственной деятельности стало законодательное введение собственности арендатора на приобретаемые за счет этого дохода средства производства. Сама по себе коллективная собственность не является панацеей от бед обобществления, так как ей присущи многие недостатки деперсонификации собственности: размывание ответственности, ослабление инновационных стимулов, преобладание потребительской мотивации и т. д. Однако коллективная собственность производителей создает механизм их материальной заинтересованности и ответственности за деятельность предприятия.

Вместе с тем было бы некорректно говорить о возрождении собственной мотивации в условиях аренды. В любой общественной организации существуют мотивации как структурного, так и материального характера. Классический капиталистический вариант организации экономики соединяет эти мотивации в единую — собственническую, которая включает в себя как мотивацию к повышению социально-экономического статуса (умножение собственности изменяет положение индивида в обществе), так и имущественную составляющую (увеличение имущества как способ подъема благосостояния). В более общем случае мотивации могут быть отделены одна от другой. В стратифицированных обществах, например, богатство не дает права перехода на другую сту-

пень общественной иерархии, но хозяйская мотивация, связанная с увеличением материального благосостояния, может быть достаточно сильна. Хозяйская мотивация не обязательно связана с правом собственности: докапиталистическая аренда дает пример непосредственной заинтересованности в повышении эффективности своего хозяйства при сословной монополии на основное средство производства — землю. Хозяйская мотивация повышения эффективности производства характерна, по-видимому, и для сегодняшних зачатков арендных отношений в сельском хозяйстве. Развитие арендных отношений на крупных предприятиях представляет собой несколько другое явление.

В основе мотивации лежит представление о желаемом и способ его реализации. Хозяйская мотивация опирается на свободу деятельности и непосредственную ответственность за ее результаты. Наемный работник продает способность к труду, он не является хозяином своей деятельности и материально заинтересован только в ее признании сверху, ориентируется на показатели, по которым оценивается его труд. Собственность, понимаемая как право на доход, тоже не создает хозяйской мотивации, так как возможности воздействия такого собственника на величину своего дохода ограничиваются сферой купли — продажи капитала (если она существует). Из объединения материальной заинтересованности наемного работника и рантье мотивация хозяина своей деятельности и ее продукта возникнуть не может. Отношение работника крупного предприятия к управлению производством носит ненамного менее опосредованный характер, чем его отношение к управлению экономикой. Эффект отчуждения существует в обоих случаях. Бывают краткие периоды веры в новые структуры управления как истинно свои (энтузиазм), но со временем люди осознают, что независимо от того, насколько хорошо управление отражает их интересы, их собственная деятельность не свободна. Поэтому переход к самоуправлению трудового коллектива может дать только краткосрочный эффект энтузиазма, но решением проблемы реализации хозяйской мотивации производителей он не является.

Аренда безусловно расширяет спектр мотивационных ресурсов общества. Во-первых, она создает мотивацию менеджера, получающего возможность не выполнять указания свыше, а управлять производством, т. е. реализовывать свой творческий потенциал. Один из основных пороков существующей системы управления экономикой — принятие решений на уровне некомпетентии, когда нет ни достаточной информации, ни заинтересованности, ни возможности гибкого реагирования на текущие изменения ситуации. Во-вторых, аренда дает возможность создать на предприятии действенную систему материального стимулирования, так как освобождает предприятие от навязываемых сверху ограничений в организации и оплате труда и расширяет спектр материальных стимулов как положительных: оплата по труду и доход от собственности, так и отрицательных: за результаты своей деятельности работник отвечает долей в собственности и рабочим местом. Таким образом, аренда представляет собой более эффективный способ согласования интересов на основе рационального распределения ответственности.

Самостоятельный вопрос — развитие общественной собственности на природные ресурсы. Представляется шагом назад позиция разбиения собственности по территориям. Аргумент — кому как не местным жителям беречь свои ресурсы — не находит подтверждения в практической жизни. Общие и частные интересы на территории так же противоречивы как и в государстве. Решение проблемы развития отношений собственности на природные ресурсы должно идти в том же направлении, что и отношений общественной собственности на средства производства — по пути разработки механизма делегирования прав и ответственности за распоряжение ресурсами. Необходимо закрепить распоряжение различными видами ресурсов за соответствующими территориальными органами управления при условии соблюдения законодательно принятых социальных и экологических ограничений.

Территориальному развитию общественной собственности мешает бюджетный централизм и отраслевой принцип планирования. Между тем опыт других стран показывает, что возможен совершенно иной способ формирования и распределения бюджетов разных уровней. Каждый бюджет формируется из определенного вида налогов и платежей в зависимости от того, какого рода деятельность из него финансируется. Тогда нет ни распорядителей, ни иждивенцев. Власти и бюджеты разных уровней связаны между собой равноправными отношениями.

Второе направление совершенствования отношений собственности социалистической экономики — развитие многообразия ее форм.

Общественная собственность как закономерный этап развития производственных отношений не исключает существования наряду с ней других форм собственности. Прежде всего концентрация производства эффективна далеко не во всех сферах деятельности. Насильственно же отделять мелких производителей от средств производства — значит во имя абстрактной догмы подрывать мотивационные ресурсы экономики: хозяйская мотивация не только сильнее, но и эффективнее (в смысле соответствия результатов целям) мотивации наемного работника. Принятие законов об индивидуально-трудовой деятельности и кооперации — следствие осознания этого явления.

Для понимания того, надо ли идти дальше, необходимо ответить на кардинальный вопрос: в чем именно преимущество общественной собственности? К сожалению, в нашей экономической и политической литературе правильный ответ — в повышении эффективности производства — подменен демагогическим — в отсутствии эксплуатации. Эта подмена не случайна. Сложившаяся система социалистического хозяйства существенно уступает в эффективности развитым капиталистическим экономикам. Необходимо анализировать причины, но проще подменить цели обобществления: вместо объективной необходимости субъективные представления о справедливости.

Между тем и Маркс, и Энгельс, и Ленин резко отделяли теорию научного коммунизма от социальных утопий. Смена общественно-экономических формаций происходит тогда, когда сложившиеся производственные отношения становятся тормозом развития производительных сил. Не справедливость, а объективные законы развития производства диктуют переход от одного способа производства к другому; справедливость же выполняет функцию идеологического оправдания этого перехода. Обобществление производительных сил перерастает рамки частной собственности, возникает необходимость общественного регулирования экономики. Но из этого вовсе не следует, что другие формы собственности должны быть уничтожены. Общественная собственность должна доказывать свои преимущества экономически, а не юридически. Если в каких-то сферах деятельности частная, коллективная или другие формы собственности на данном этапе развития производительных сил более эффективны, то неоправданно во имя «идеи» насиловать экономические законы.

Объективные закономерности развития производительных сил приводят к концентрации собственности, к развитию ее государственной формы. На крупных образованиях собственности возникает и утверждается долгосрочное планирование, которое охватывает существенные масштабы деятельности в экономике развитых стран. Монополия, государственная собственность, планирование (особенно долгосрочное), развитие системы социальных гарантий ограничивают деятельность рынка, его стихийность, придают всей системе определенную степень устойчивости. Но приобретая устойчивость, система одновременно уменьшает свою гибкость. Другими словами, объективное ограничение стихийности чревато потерей гибкости. Крупные фирмы значительно менее склонны к нововведениям, риску, чем средние и мелкие (это эмпирический факт, который вполне понятен). Средние и мелкие, а также «рисковые» фирмы восполняют дефицит гибкости в системе; увеличивают скорость ее реакции на новое. Крупная (в том числе и государственная)

собственность обеспечивает устойчивость системы, мелкая и средняя собственность — ее изменчивость. Мелкие и средние фирмы как бы «щупают» пространство и будущее, и если данный способ развития оказывается эффективным, крупные фирмы его осваивают быстро, благодаря преимуществам крупной организации и в силу масштабов своей деятельности быстро распространяют на всю систему. Если же мелкая или средняя фирма терпит фиаско, то это не сильно воздействует на функционирование всей системы (локальное возмущение). Таким образом, разномасштабность собственности в целом обеспечивает динамическую стабильность (устойчивость + изменчивость) системы.

Развитие альтернативных форм собственности не нарушит социальную защищенность членов социалистического общества. Сфера приложения труда не должна влиять на положение работников как совладельцев общественного богатства. А свой вклад в увеличение этого богатства они могут вносить с помощью системы налогообложения. Не нужно пугаться неравенства, эксплуатации и других «родимых пятен капитализма». Равенство невозможно ввести директивно. Необходимо совершенствовать отношения общественной собственности, развивать ее потенциальные возможности, повышать эффективность общественного производства. Бояться «частного сектора» можно только, если есть твердая уверенность в бесперспективности общественной собственности. Сложившаяся в нашей стране монополия государственного распорядительства — результат реализации интересов государственной бюрократии. Исправляя ошибки прошлого, мы должны отказаться и от запретительных методов борьбы с другими формами собственности. На самом деле все эти формы реально существуют. Просто имеют место разные экономические структуры: директивная, неформальная (реальные связи между официальными экономическими агентами) и теневая (функционирование официально запрещенных экономических институтов).

Развитие кооперации создало возможность частичного «отмывания» частных капиталов. Наряду с действительным объединением труда кооперативное движение включает в себя развитие частной собственности, закамуфлированное «коллективным владением» своих людей. Выход не в юридическом преследовании этого явления, а в официальном признании частной собственности. Запрещением частную собственность не уничтожить (нельзя отменить экономические законы), ее можно лишь загнать в подполье, т. е. заменить юридическое лицо, деятельность которого можно регулировать, мафией. Узаконив частную собственность, общество с помощью методов экономической политики может использовать предпринимательскую деятельность в своих целях. Конечно, при этом имущественное расслоение населения становится из тайного явным. Зато общество в целом явно выигрывает. Если сейчас дань с частных капиталов оседает в карманах его (общества) официальных «представителей», то в случае легализации частной собственности часть прибыли пойдет действительно обществу. Развитие многообразия форм собственности будет иметь и другие положительные последствия: актуализацию сбережений населения, повышение стимулирующей роли денежных доходов вследствие расширения способов их использования, усиление мотивационных ресурсов экономики и др. В то же время вряд ли можно рассчитывать, что кооперативы в их современном виде подорвут существующую монополию государственных предприятий, создадут конкуренцию. Если это и произойдет, то только на рынке ширпотреба, где монополия давно подорвана отказом потребителя покупать выпускаемую некачественную продукцию и импортом. Вместе с тем даже сейчас, при существующем вакууме на потребительском рынке, кооперативы выступают скорее как конкуренты различных ателье индпошива и ремонтных контор (как мелкосерийное или специализированное производство в противовес индивидуальному), а не государственным предприятиям. Ожидать, что при переходе последних на хозрасчет в их конкурентной борьбе с кооперативами будут снижаться цены и т. д., нельзя. Кооперативы уйдут в ту экономическую нишу, где заведомо не-

эффективны крупные предприятия, т. е. начнут выполнять функции, которые повсеместно выполняют средние и мелкие фирмы: поиски новых форм приложения капитала, экспериментирование (риск), мелкий сервис и т. п. В остальных случаях они будут «пристегнуты» к крупным предприятиям практикой подрядов, контрактов, как это происходит повсеместно и создает устойчивость в функционировании всей системы. Конкуренцию государственным предприятиям должен создать импорт (надеяться на то, что сейчас мы поправим дело за счет импорта потребительских товаров, а тем временем, наладив собственную промышленность, откажемся от импорта и будем конкурировать с кооперативами, более чем наивно и странно) и смешанные предприятия, т. е. соперники, находящиеся в равных весовых категориях.

Диверсификация собственности необходима для свободного развития производительных сил, реализации преимуществ всех форм собственности, повышения эффективности социалистической экономики.

Поступила в редакцию
11 V 1989